

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
2. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
4. Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).
5. Национальный корпус русского языка // Интернет-ресурс. Режим доступа: ruscorpora.ru.
6. Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей. М., 2006.
7. Слыскин Г. Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // Ethnohermeneutik und cognitive linguistic. Landau, 2007.

© Нахимова Е. А., 2008

Сенковска Э.

Варшава, Польша

Перевод: Шетеля В.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА XX – XXI ВВ.**

Abstract

In this article we analyze new collocations that are typical of modern Polish general public and political discourse. The necessity to register these collocations in dictionaries sets forth the aims as follows: to determine degree of their stability; to provide clear definitions; to find reasons that formed the ground for appearance of such collocations in speech. Such structures' analysis demonstrates modern linguistic trends in political discourse and helps to determine the nominative, axiological and pragmatic functions of these collocations.

Работа над языковым материалом, собранным в «Словаре политических и общественных понятий стран Центральной и Восточной Европы» („Słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej” – далее: SPPS) в польской языковой версии, а также лингвистическая литература, касающаяся политического дискурса на рубеже веков, дает повод для некоторых размышлений.

Нет сомнения, что в политической коммуникации данного периода самые большие изменения произошли в области словаря и фразеологии (Kudra [Кудра – здесь и далее в квадратных и круглых скобках примечания переводчика] 2001: 3; Borkowski [Борковски] 2003; Dabert [Даберт] 2003; Mosiołek-Kłosińska [Мосиолек-Клосиньска] 1999: 52-60)¹. В политико-журналистском дискурсе оказалось множе-

ство заимствований, производных (дериватов) от чужих основ и исконных слов, а также слова и составные номинации, вошедшие в общепольский язык из специальной терминологии. Эти слова (термины) ограниченной до сих пор сферы употребления можно определить как внутриязыковые заимствования. Явление это было одним из первых проявлений влияния внешних факторов на общепольский язык в период трансформации (трансформацией в Польше называют реформы в перестроочный период – замечание переводчика) [Kwiek-Osiowska 1989: 233-235; Satkiewicz 1994: 143-147]. Тенденция эта удерживается. В данном случае следует обратить внимание на то, что употребление специальных слов в политическом дискурсе влечет за собой семантическую модификацию, обусловленную типом передачи и языковой компетенцией говорящего. Возьмем, к примеру, термин *prywatyzacja* (приватизация), который, кроме того, что выступает в экономических контекстах, ср.: *prywatyzacja uporządkowana* (улаженная приватизация), *prywatyzacja dzika* (дикая приватизация), *prywatyzowanie usług komunalnych* (приватизация коммунальных услуг), *prywatyzowanie usług medycznych* (приватизация медицинских услуг), также употребляется в словосочетаниях, показывающих расширяющуюся сферу их употребления. Затемнение специального значения путем прямой связи с основой *prywatny* в значениях *prywatyzacja wiary* (приватизация веры), *prywatyzowanie władzy publicznej* (приватизация публичной веры), *prywatyzowanie relacji publicznych* (приватизация публичной реляции), „присоединение чужих в сферу „наши”, *prywatyzacja państwa* (приватизация государства), ср.: (...) *prywatyzacja państwa przejawia się w tym; że stanowisko i instytucje państwowie wykorzystywane są do celów prywatnych, a nie do celów publicznych* (приватизация государства проявляется в том, что должности в государственных учреждениях используются для собственных, приватных нужд, а не для общего дела) (газета „Rzeczpospolita” 5-6 VI 2004). Данного типа сочетания зафиксированы в SPPS, так как доказывают использование семантической модификации в повседневной печати.

Большое текстовое и общественное выявление (экстензия) специальных терминов негативно отразилось на восприятии официальных сообщений на польском языке. Часть общества значение множества слов воспринимает туманно, поскольку в основе понимания заложено первичное восприятие семантики типичных словосочетаний, – и множество таких инноваций оценено как лишние [Walczak 1998: 500].

В SPPS эти процессы будут учитываться благодаря введению цитат, актуализирующих текстуальное значение лексем. Опора на текст позволит определить смысл и область использо-

¹ Отмечаю здесь самые важные позиции, поскольку литература вопроса о семантических изменениях в языке политики после 1989 г. весьма богата.

зования данного слова или словосочетания. Тексты необходимы для интерпретации семантики слов и определения их коннотации, а также это является важным для оценки ситуативной прагматики.

SPPS, включающий языковой материал за 1998-2003 гг., представляет избранный фрагмент лексики *в момент образования*, показывает некоторые речевые явления. Все это имеет отношение как к семантике слов, так и к отмеченным словосочетаниям, которые в большинстве случаев являются неустоявшимися неологизмами. Именно этим словосочетаниям я хочу посвятить свою статью.

Т. Смулкова отмечает, что неустоявшиеся неологизмы интересны исследователям по нескольким причинам: они «выступают в публицистических текстах, адресованных широкому кругу носителей языка; их исключительно много; их существование является признаком публицистической языковой разновидности; они характерны для письменной речи; принадлежат, по крайней мере в течение недолгого времени, и, в большинстве случаев, к плану речи, именно поэтому на их примере можно отслеживать процессы, тенденции, имеющие влияние на эволюцию современной лексики; позволяют лучше познать процесс дешифровки неологизмов и текстов, их содержащих, (...); позволяют лучше узнать сложную формально-смысловую структуру дериватов (производных); по причине их количества являются важным фактором при определении степени продуктивности словаобразовательных средств; они часто результат индивидуальных (авторских) находок, и имеется множество данных на тему функционирования рассматриваемых слов (словосочетаний); они важный источник информации о необходимости в современном польском языке новых номинаций» [Smólkowa 2001: 31].

В исследуемом нами материале мы отмечали большое количество новых словосочетаний (составных наименований, «союзов слов») с разной степенью устойчивости. Преобладают среди них имена существительные, что свидетельствует о перевесе такой функции языка, как номинативная функция. Их «новизна» определяется лексикографическим критерием – в случае SPPS необходимо определить: входит ли данный союз слов в „Универсальный словарь польского языка” (далее: USJP), поскольку этот словарь является для нас исходным при анализе словарника. Союз слов характеризуется тем, что он отпечатан в памяти и воспроизводится в неизменной форме, являясь семантической целостностью [Nowakowska 2005: 24]. Необходимо определение: цитированное соединение является устоявшимся неологизмом или же представляет собой более сложную проблему из-за незначительного количества времени его употребления. В ходе работы делается попытка определить частотность упот-

ребления данной единицы, с опорой на ранние лингвистические публикации на данную тему; определяется источник, происхождения, а также автор текстов; учитываются терминологические группы, существующие в словаре, важные для понимания целей и задач, которыеставил перед собой автор, и отделяются новые единицы от повсеместно использованных, традиционных². Эти операции позволяют проследить этапы адаптации составной единицы в польском языке.

Проблема семантической интерпретации союзной единицы зависит от использования конкретного соединяющего выражения, от типа текста, контекстуальная семантика является здесь решающей; дополнительным критерием является языковая компетенция исследователя, а также его знакомство с ситуативными реалиями. Это важно именно для неологизмов, неотмеченных в словарях.

Составные (союзные) словные единицы выполняют две главные функции: уточняют семантику определяемого выражения, выделяя отобранный семантический элемент, или же помешают описываемый десигнат в оценивающей перспективе (т.е. определяется потенциал адаптации, вхождения в язык – примеч. переводчика).

Самым важным в отношении исследуемого материала является факт того, что соединения создаются вокруг ключевых слов, имеющих высокую значимость в официальных текстах, характеризующих период трансформации.

Представим примеры. О лексеме demokracja я уже писала в другой своей работе [Sękowska 2004: 66-70]; здесь я напомню самые важные положения этой статьи и представлю новый материал. Выражений, отражающих способ функционирования демократии – реального политического строя в Польше – великое множество, напр., demokracja prawdziwa, normalna, realna, pełna, stabilna (демократия правдивая, нормальная, реальная, полная, стабильная) т.е. «демократия, выполняющая условия данного демократического строя, предполагаемые как его окончательное свойство». Из этого можно предположить, что существует прототип понятия – сосредоточение черт, принадлежащих данной категории. А поскольку описываемый десигнат – польская демократия – в определенной мере не соответствует стандарту, или же не находится по отношению к нему в идеальном соотношении, то данные определения семантизируют их значения, напр.: «Строим нормальную демократию, т.е. страдаем от ее характерных болезней» (Rzeczpospolita, 6 VI 2003); «(...) в этом виновата вся политическая

² Кроме отмеченных раньше лингвистических работ сопоставляю исследуемый материал с серией работ: Смулкова Т. (ред.), (2004), «Новый польский словарь. Материалы прессы 1993 – 2000 гг.», ч. I: А-Н, Краков; ее же, ч. II: I – О; ч. III: Р – ѿ.

система, которая потеряла свою прозрачность, и в которой лица, в **нормальной демократии**, отбывая тюремное наказание, занимают ключевые должности и то в большом масштабе» (Tygodnik Powszechny, 19 I 2003). К этим примерам можно добавить словосочетание *raczkująca demokracja* (демократия, делающая первые шаги) «демократия в первой фазе развития; а также: искривление демократических принципов» [Nowakowska 2005: 47]. Сочетания *dojrzała demokracja, kwitnąca demokracja* (зрелая демократия, цветущая демократия) выступают в контекстах, относящихся к государствам т.н. старой Европы.

Слово **демократия** выступает в таких отрицательно-оценочных соединениях, как: *demokracja kulawa, parawanowa, fasadowa, „wiesiącąca”, pozorna, ręguferii* (демократия хромая, за ширмой, показушная, „митингующая”, мнимая, кажущаяся, периферийная) – переносные значения определений создают смыслы неправдивости демократических нравов, иллюзорность строя. Например: „(...) создано объединение учреждений, организации, которые напоминают извне демократическое государство с рыночной экономикой (...) учреждения эти за своим порталом, скрывающие механизмы, о которых молчат учебники по конституционному праву, и которые политология называет проявлением глубокой патологии” [Польская показушная демократия // Więź, 5, 2003].

На способ реализации системы со стороны технической указывают такие соединения, как: *demokracja elektroniczna* (электронная демократия), *telewizyjna* (телевизионная демократия), *medialna* (медиальная демократия), *sondażowa* (зондированная демократия), напр.: „Сегодня мы живем в эпохе электронной демократии. Демократия XXI века сводится, с одной стороны, к СМИ – с телевидением во главе, а с другой – к зондированию общественного мнения. Этот телевизионный и массовый характер демократии является причиной углубления пропасти между избирателем и политической группировкой или политиком, за которого избиратель отдал свой голос” (Tygodnik Powszechny, 20 апреля 2003). Кроме этой номинативной функции исполняют они и оценочную функцию.

Указанные здесь определения настолько узнаваемы, воспроизведимы в разных типах текстов разными авторами, что можно признать их в качестве стабильных на данный период. Данному условию не подлежит соединение *demokracja martingowa* (мартинговая демократия); создается впечатление, что это окказиональное образование, ср.: „На наших глазах демократия начинает превращаться в мартинговую демократию, которая не имеет ничего общего с высокими проектами о принципах свободы, рационального самоопределения, законности. Такой закон становится „продуктом” мартинговой культуры. Лицензию на ее

производство получают те, которые лучше провели предвыборную компанию обещаний и улыбок. Своему успеху они обязаны не принципам, а маркетинговой стратегии – речь в том, что следует понравиться избирателям. Моралистов заменяют таким образом специалисты от макияжа и лифтинга” (Gazeta Wyborcza, 19-20 XI 2005).

В последние месяцы появилось также соединение, которое, исходя от контекста, можно назвать терминологическим скоплением, а именно: *demokracja widowiana* (зрительная демократия): „Западные политологи говорят сегодня о „зрительной демократии”, в которой граждане с одной стороны с интересом наблюдают театр власти, но с другой – замечая тщеславие политики и бессилие ее актеров – отказываются от самоуправления” (Rzeczpospolita, 7-8 I 2006). Кажется, что и это соединение послужило автору доказательством приводимых выводов.

Как видим, указанные здесь контекстуальные употребления доказывают динамичность понятия, делают актуальными элементы до сих пор менее важные, и свидетельствуют о влиянии действительности на язык определенного этапа развития.

Слово *polityka* (политика) в значении сферы действия, имеющее отношение к разным областям жизни в государстве и взаимоотношений с другими странами „оброс” тематическими определениями; кроме слов, отмеченных в USJP, таких как: *polityka gospodarcza* (хозяйственная политика), *rolna* (сельскохозяйственная политика), *kulturalna* (культурная), *społeczna* (общественная), *polityka finansowa* (финансовая политика), *handlowa* (торговая), *przemysłowa* (промышленная), *polityka pokojowa* (мирная политика), *odgrężeńiowa* (ослабления напряжения), *polityka odwetu* (политика возмездия), *socjol.polit.* (общест.-полит.), *polityka asymilacyjna* (политика ассимиляции), *polityka wewnętrzna* (внутренняя политика), *ekonomiczna* (экономическая), *regionalna* (региональная), *fiksalna* (фиксальная), *oświatowa* (школьная), *międzynarodowa* (международная), *zagraniczna* (заграничная), *bezpieczeństwa* (безопасности), *obronna* (оборонная), *prorodzinna* (просемейная), *edukacyjna* (школьная), *energetyczna* (энергетическая), *pieniężna* (денежная), *monetarna* (монетарная), *informacyjna* (информационная), *kadrowa* (кадровая), *lekowa* (лекарственная – редко), *karania* (исполнения наказания – редко), *ludobójstwa* (геноцида), *naukowa* (научная), *transferowa* (трансферная – о торговле футболистами в клубах); даже деятельность во имя исторической памяти называется исторической политикой (*polityka historyczna*) понимаемой, как „публичная деятельность научных и учебных организаций в сфере исторической памяти народа / народов”. Последнее определение, все чаще употребляемое, иногда вызывает возражение по причине заметной внутрен-

ней противоречивости ее смыслов: „Чаще (...) используется определение „историческая политика”. Эта калька из немецкого языка (...) по-польски нехорошо ассоциируется, хотя бы с культурной политикой. Вот именно, как поступить, если историческая правда для данной ситуации будет неудобной? Если эту правду рассматривать серьёзно, то как тогда ее обойти, промолчать, приспособить?” (*Rzeczpospolita*, 30-31 VII 2005). Реже встречается выражение *polityka pamięci* (политика памяти): „В политике памяти происходят принципиальные изменения. В девяностых годах о деятельности союза „Солидарность” писали неохотно и с трудом скрываемым презрением, отмежевались от него как от „бунта толпы”, несоответствующего либеральным принципам нового государства. Теперь вдруг возвращаются к ней как к источнику, который узаконил III Республику (*Rzeczpospolita*, 10-11 IX 2005). Таюже недостаточно точно и чётко выделяется в традиционной лексикографической дефиниции способ поведения лиц, правящих организаций и партийных группировок (ср. в USJP только фразеологизмы: *Polityka grubej kreski* (политика жирной черты), *Strusia polityka* (политика страуса), а также знач. 3. перенос. «чьё-то ловкое, продуманное действие для реализации определенных задач») является этим вариантом значения, которое находит множество подтверждений в исследуемом материале; этот оттенок смыслов реализуют выражения: *polityka alternatywna* (политика альтернативная), *twarda* (твёрдая), *elastyczna* (эластическая), *sztywna* (жёсткая), *krótkowzroczna* (близорукая), *kuluarowa* (кулуаров), *balansu* (баланса), *dezinformacji* (дезинформации), *stopniowania ustępstw* (постепенной уступчивости), *podboju* (захвата) „провозглашение племенного патриотизма и презрения правил в деятельности какой-то партии”; *polityka kija i marchewki* (политика палки и морковки) „принуждение кого-то к уступкам путем угроз, но также и обещанием некоторых выгод” [*Chlebda* 2002: 409-419], *polityka janosikowa*³. Большинство представленных определений отмечаются как стабильные соединения.

Кроме нейтральной номинации *partia polityczna* (политическая партия) или *partia* (партия) с определениями, называющими идеиную направленность ее членов, часто встречаются словосочетания, актуализирующие черты этих группировок, напр.: *partia kanapowa* (диванная партия) „партия, насчитывающая небольшое количество членов”, *partia furgonetkowa* (партия-

фургончик) „то же” [Nowakowska 2005: 45], *partia sezonowa* (сезонная партия), *partia niszowa* (партия-ниша). Последние соединения показывают, что необходим языковой и ситуативный контекст для определения семантики новых словосочетаний – в соединении, представленном в изоляции не ясно, относится определение *niszowy* к слову *nisza* „углубление, ниша”, или же к неосемантизму *nisza* „ниша” – „периферийный участок деятельности человека, вытесненного в кювет доминирующим потоком; еще не занятое место, в котором можно начать какую-нибудь деятельность” [Przybylska 2003: 114]. Следующая цитата указывает на использование неосемантизма *nisza*: „Нишевой характер партии UPR (примеч. переводчика: Уния реальной политики), KLD (примеч. переводчика: Конгресс либерально-демократический) и UW-PD (примеч. переводчика: Демократическая партия, Союз левых демократов) подходит сегодня к маргинальной модели либеральных и либертианских движений в Европе, в основном во Франции, Германии и Скандинавии. Не те времена (...), когда либерализм был ведущим политическим движением (...)” [Mońko: global.net.pl].

Наиболее стабильно первое сочетание, на базе которого образовано *kanapowiec* (сидящий на диване) [Jadacka 2001: 79]; аналогично образование окказионализма *poseł kanapowy* (диванный депутат): «Краковский диванный депутат SKL (Stronnictwo Konserwatyno-Ludowe – Консервативно-народная партия – примеч. переводчика) рассказывал полным истерии голосом о мнимых превышениях власти, когда создавался корпус гражданской службы. Страшил при этом прокурором, инсинуируя громадный преступный сговор теперешнего правительства против закона и государства» (цитируется Trybuna 1997 по Dabert’u 2003: 61). Данное соединение выделяется среди других фразем положительно-оценочным качеством и иллюстрируется цитатой из *Polityki* за 1995 г. (Kudra 2001: 200): „Этот политический комбайн должен был быть особенно продуктивным, решительно побеждая „диванные партии”, которые ведут борьбу в основном при помощи факса и знакомых журналистов”. Это определение используется с оттенком пренебрежения.

Группы людей, руководствуясь взаимными связями, а не публичным интересом, названы: *republika kolesiów, republika koleżków* (республика корешей, друзков) „о правлении сторонников солидарности. Это выражение – намёк на определение *republika koręsowej*, использованное Лехом Валенсой” [Kudra 2001: 202]; речь *посполита корешей* (неодобрительно) «выдвижение знакомых при распределении мест в государственных учреждениях» [Mosiołek-Kłosińska 1999: 58]; синонимическим вариантом является выражение *republika kaczyków* (республика туземных царьков): «Тер-

³ Вторичный ономастик JANOSIK (Яносик) имеет значение: «человек провозглашающий и/или внедряющий в жизнь (популистский) принцип осуществления общественного равенства путем распределения доходов зажиточных людей между бедными», ср. Дерень Б. [2005], „Происхождение собственных имен в словаре и тексте”, Ополе, с. 96.

мин этот имеет отношение к системе власти провинциальных чиновников, которые используют свое место для частых целей» (Rzeczpospolita, 2 I 2004).

К названиям группы людей относится также метафорическое выражение *czerwona pajęcyna* (красная паутина), неодобрительно: „группа людей бывшей Объединенной рабочей партии, занимающей влиятельные должности в личных целях” [Mosiołek-Kłosińska 1999: 53; Kudra 2001: 192]; слово *паутина* в переносном значении соединено с существительным, обозначающим группы людей, напр.: *паутина агентов, паутина людей*; отмечено также выражение *Europa паутин*: „Этот новый феномен (структура сверхгосударственная – ES) вынуждает некоторых социологов и политологов до представления Европейского союза в категориях *Европа паутин*, эластичной сетки процессов и взаимных отношениях между государствами” (Rzeczpospolita, 16 I 2004). Подобным типом соединения является *глобальная паутина* „Интернет”, определяющий сеть соединений на большой территории.

Удачные словосочетания являются моделью для создания новых единиц, представляющих похожие общественные явления. Думаю, что хорошим примером будет определение *aksamitna rewolucja* (бархатная революция) „общественные выступления, которые бескровным путем свергнули социалистический строй, благодаря чему власть в Чехословакии получила демократическая оппозиция” [Nowakowska 2005: 44]. По этой модели образована *pomarańczowa rewolucja, rewolucja tulipanów* (оранжевая революция, революция тюльпанов): «Уже первая после украинской, киргизская революция тюльпанов (в марте 2005 г.) была иной и напоминала более бунт мятежных кланов, чем бархатная революция в европейском смысле этого слова» (Rzeczpospolita, 9 XII 2005).

Некоторые словосочетания со временем изменяют свое значение, напр., многократно представленное в литературе соединение *gruba kreska, linia* (жирная черта) (Nowakowska 2005: 47; Kudra 2001: 176, 178-179; Bralczyk 1999: 200); другие создают полисемантический ряд, напр.: *szara strefa* (серая зона) в значении „нелегальная хозяйственная деятельность”, а также „территория неопределенных, неясных, нераспознанных влияний”: „Центральная Европа это серая зона между Западом и Россией” (Rzeczpospolita, 11 IV 2003); „(...) церковные лица двигались в серой зоне неформальных контактов с представителями коммунистической власти и Службой безопасности” (Rzeczpospolita, 2-3 V 2003).

Семантическое качество выражений, их высокая частотность в определенный промежуток времени является причиной того, что увеличивается численность лексико-синтаксических союзов с данным компонентом; к модным в

настоящее время можно отнести прилагательное *obywatelski* (гражданский), которое выступает в словосочетаниях *świadomość obywatelska* (гражданское сознание), *edukacja obywatelska* (гражданское обучение), *sumienie obywatelskie* (гражданская совесть), а прежде всего терминологизированное *społeczeństwo obywatelskie* (гражданское общество) (чаще всего представленное как предполагаемое свойство), напр.: „(...) самым лучшим партнером рассудительно действующих политиков было бы мифическое „гражданское общество”. Мифическое, потому что, как показывает „Диагноз 2005”, чего-то такого в Польше не наблюдается” (Rzeczpospolita, 20 X 2005); „(...) гражданское общество это демократия, повседневно связывающая граждан, т.е. – возможность всеобщей деятельности граждан в сфере собственных дел и на благо всего государства” (Rzeczpospolita, 19-20 XI 2005)⁴.

Прилагательное *globalny* и в значении „в мировом масштабе”, и „то, что своим влиянием охватывает какую-то проблему или ее элемент”, соединяется с выражениями разного семантического класса, напр.: *globalna litość* (глобальное милосердие), *globalna panika* (глобальная паника), *globalna szczęliwość* (глобальное счастье), g. *Etyka* (глобальная этика), g.*prawo* (глобальный закон), *globalny kodeks postępowania* (глобальный процессуальный кодекс), *globalny wywiad* (глобальная разведка), *polityka globalna* (глобальная политика), *globalny gniew* (глобальный гнев), *globalna solidarność* (глобальная солидарность), *globalna pustynia* (глобальная пустыня), *globalne społeczeństwo obywatelskie* (глобальное гражданское общество), *globalny system informacyjny* (глобальная информационная система), *globalny kapitalizm* (глобальный капитализм), *świadomość globalna* (глобальное сознание), *globalna konkurencja* (глобальная конкуренция), *globalne oblicze antypolonizmu* (глобальное лицо антипольонизма), *globalna iluminacja* (глобальная иллюминация). Слова соединяются с названиями состояний, чувств, а также входят в связь с названиями процессов, типов строя, действий (трудно в данном случае определить границу сочетаемости); иногда однако связь не всегда понятна вне контекста, напр.: *globalny gniew* (глобальный гнев), *globalna iluminacja* (глобальная иллюминация), ср.: „Перед Рождественскими праздниками в центре больших городов ставят ёлку по мере мечтаний и амбиций властей, а также жителей города. Как будто метрополии всех континентов (стран не только христиан-

⁴ Прилагательное *obywatelski* (гражданский) был весьма частотным в текстах восстания Костюшки под конец XVIII века: *spota obywatelekska* (гражданская добродетель), *gorliwości obywatelekska* (гражданское старание), *sława obywatelekska* (гражданская слава), *energia obywatelekska* (гражданская энергия), ср. Яворски Я. (2005) „Лексема *obywatel* в публицистических текстах конца XVIII века”, „Poradnik Jęzakowy” 1, s. 85-89.

ских) хотели устроить соревнование в глобальной иллюминации” (Metropol).

Представленные здесь новые составные наименования являются примером явления, распространенного в современном публичном дискурсе; необходимость их учёта в SPPS важна, также как и обозначенные здесь семантические модификации лексем. Раньше мы уже сигнализировали о появлении новых семантических оттенков в использовании лексем demokracja и polityka; очередным примером является слово Europa, которое кроме основного значения «континент» имеет и другие значения: «Европа как культурная общность» (это значение отмечено и в других работах: Strzelczyk 2004: 9-10; Chlebda 1997: 88-90; Batko 2004: 332-334); «Европа как Европейский союз», что отражает сущность времени.

Материал, собранный в «Словаре политических и общественных понятий стран Центральной и Восточной Европы» (SPPS), показывает современные языковые тенденции, что находит подтверждение в политическом дискурсе. Его описание и лингвистический анализ требует широкомасштабного учёта существенных языковых механизмов и плана ситуации, который значительно влияет на количество и качество языковых явлений.

Свои размышления завершу цитатой из текста, относящегося, правда, к 1978 году, но сохранившего в большей степени свою актуальность и в отношении современной прессы: „(...) понятия изменяют форму, исподволь впутываясь в контексты политических событий. В состоянии ли однако прижиться контексты, в которых они родились? Этот вопрос затрагивает устои образа мира. Можно предположить, что они в той же мере устойчивы, как и язык, к которому принадлежат” [Gajewska 2000: 241].

ЛИТЕРАТУРА:

Batko B., [2004], <Спор о Евросоюз>, т.е. полемика между евроэнтузиастами и еврокептиками // „Język Polski”, ч. 5, с. 331-339.

Borkowski I., [2003], „Рассвет свободного слова. Язык политической пропаганды 1981–1995”, Вроцлав.

Bralczyk J., [1999], Об использовании языка в польской политике 90-ых гг. // Pisarek W. (ред.), „Polsczyzna 2000”, Краков, с. 197-217.

Chlebda W., [1997], Очерк польского географического менталитета” // „Przegląd Humanistyczny”, ч. 3, с. 81-94.

Chlebda W., [2002], Палкой выговор, морковкой надежду // Gajda S., Źydek-Bednarczuk U. (ред.), Язык в общественном пространстве, Ополе, с. 409-419.

Dabert D., [2003], Контролирована речь. Очерк об общедом языке в Польше после 1989 г., Познань.

Dereń B. [2005], „Происхождение собственных имен в словаре и тексте”, Ополе.

Gajewska D., [2000], Нация и национальная культура в языковой картине мира политической

публистики времени ПНР // Знания о польской культуре у порога XXI века, Вроцлав, с. 234-241.

Jadacka H., [2001], Словообразовательная система польского языка (1945–2000), Варшава.

Kudra B., [2001], Лексикальная креативность в политическом дискурсе польской прессы 80- и 90-х годов, Лодзь.

Kwiek-Osiowska J., [1989], Влияние экономических реформ на общепольский язык // „Język Polski”, ч. 3-4, с. 233-235.

Mońko M. global.net.pl

Mosiołek-Kłosińska K., [1999], След польских перемен после 1989 г. в общедом языке // Gruszczyński W., Bralczyk J., Majkowska G., (ред.), „Польский язык в общедомной коммуникации”, Варшава, с. 37-62.

Nowakowska B., [2005], Новые сочетания слов в современном польском языке, Краков.

Przybylska R., [2003], Неосемантическая ниша и нишевое прилагательное // „Język Polski”, ч. 2, с. 112-115.

Satkiewicz H., [1994], Изменения в самом новом лексическом фонде польского языка // Обусловленность и причины языковых изменений, серия: „Język na Pogranicach” № 11, Варшава, с. 143-147.

Sękowska E., [2004], Избранные проблемы описания польского словаря, относящегося к политическо-общественным понятиям // Dubisz St., Porayski-Pomsta J., Sekowska E., (ред.), Словарь политических и общественных понятий стран Центральной и Восточной Европы, Варшава, с. 63-74.

Smólkowa T., Неологизмы в современной польской лексике, Краков, 2001.

Smólkowa T., Новые польские слова. Материалы прессы 1993–2000 гг., ч. I: А-Н, Краков, 2004.

Smólkowa T. Новые польские слова. Материалы прессы 1993–2000 гг., ч. II: I-O, Краков, 2004.

Smólkowa T. Новые польские слова. Материалы прессы 1993–2000 гг., ч. III: P-ś, Краков, 2005.

Strzelczyk J., [2004], Античные и средневековые начала Европы // Средневековая картина мира, Познань, с. 7-22.

Walczak B., [1998], Кто не понимает и чего не понимает? О (не)знании общественно-политического и экономического словаря в разной среде пользователей современным польским языком // Prace Filologiczne, XLIII, Варшава, с. 489-500.

© Сенковска Э., 2008

**Таратынова Т. В.
Челябинск, Россия**
**МИЛITАРНАЯ МЕТАФОРА
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ США-2008
(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕМЕЦКИХ СМИ)**

Abstract

The basis of the author's approach to the study of political metaphors is the theory of metaphorical modeling of reality. The analysis of the metaphorical model Election Campaign in the USA is War showed that it is one of the most productive models in German mass media